

Валерия Тарабрина

Бросая кости. Том II: Кровь, Туман и Молот

Валерия Тарабрина

**Бросая кости. Том II:
Кровь, Туман и Молот**

«Автор»

2025

Тарабрина В. И.

Бросая кости. Том II: Кровь, Туман и Молот / В. И. Тарабрина — «Автор», 2025

Клаус потерял всё. Его возлюбленная Каосу стала пленницей самой Тьмы, а единственный путь к спасению мира — легендарный остров Куэщис, путь к которому укажет картограф-вампир, ищущий свою возлюбленную, подобно Берсерку. Вместе с Кассандрой — Нимфой, читающей звёзды, — они отправляются в опасное путешествие. Лес путает следы, море шепчет о погибших, а на острове, где два клана ведут многовековую войну за древнее Сердце, их ждёт Айзек — Герой Золотой Звезды, ставший пленником собственных иллюзий, и лишь возвращение его тени может спасти его от безумия. Здесь, среди льда и магии, им предстоит разобраться в хитросплетениях лжи, освободить остров от проклятия и найти ответы на вопросы, которые мучили их с самого начала. Поднимайтесь к ним на борт — да начнётся новая глава захватывающих приключений!

© Тарабрина В. И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Княжеский пролог	5
Глава 1: Там, где лес встречает море	8

Валерия Тарабрина

Бросая кости. Том II: Кровь, Туман и Молот

Княжеский пролог

Тронный зал был объят той особенной, гнетущей тишиной, какая воцаряется лишь в покинутых чертогах, где даже эхо забыло, как звучать. Воздух, тяжёлый от крови и вековой пыли, не двигался, словно сам зал затаил дыхание, наблюдая за агонией своего повелителя.

Фридрих, Лесной Князь, сидел на своём троне, и золото подлокотников под его пальцами было липким и тёплым от крови. Он смотрел на свои руки, которые дрожали мелкой, неудержимой дрожью, и не узнавал их. Когда-то они крепко держали меч и корону. Теперь же они просто истекали жизнью, капля за каплей, в такт мерному стуку его угасающего сердца.

— Вот она, цена величия, — подумал Князь, и мысль эта была горькой, как полынь. — Цена власти, которую я копил веками, словно скупой ростовщик. Я думал, что строю империю, а построил лишь собственную гробницу...

Он попытался выпрямиться, придать осанке былое величие, но тело не слушалось. Оно было чужим, тяжёлым, как камень, и каждое движение отдавалось в груди тупой, ноющей болью. Князь обмяк на троне, запрокинув голову, и в последнем, уже почти погасшем свете дня его лицо казалось высеченным из мрамора — прекрасным, гордым и бесконечно одиноким.

И тогда что-то началось.

Сначала мужчина почувствовал лишь лёгкое, едва уловимое тепло, разливающееся по его рукам, подобно тому, как разливается по телу забытое, давно ушедшее воспоминание. Он опустил взгляд и замер. По золоту трона, по его собственным, безжизненно повисшим рукам, ползли лианы. Они рождались прямо из трещин в мраморе, из щелей в драгоценных камнях.

Сначала Фридрих подумал, что это его собственная магия — та самая, золотая, что веками питала его власть и скрывала его истинную суть. Но взглядевшись, он понял: это золото было лишь оболочкой. Тонкой, хрупкой, почти призрачной. Оно осыпалось, словно старая позолота, уступая место чему-то иному — живому, настоящему, пульсирующему тихим, упрямым светом. Под ней, пробиваясь сквозь вековую корку, прорастали побеги цвета молодой листвы и весенней травы. Светящиеся, нежные, они обвивали его запястья, тянулись к локтям, и там, где они касались его кожи, раны начинали затягиваться. Медленно, мучительно, но неумолимо.

Мужчина замер, чувствуя, как по спине пробегает холод. Это не была его магия. Это была её магия. Та, которую он так долго подавлял. Та, которую он считал мёртвой.

— Елена, — пронеслось в его сознании, и сердце, уже почти остановившееся, пропустило удар. — Елена, это ты? Даже после всего... ты приходишь ко мне?

Но где-то в глубине его воспалённого разума, едва различимо, как далёкий шёпот, проскользнула иная мысль. Он не знал, откуда она взялась. Может быть, сама земля шептала ему. Может быть, эти лианы, что лечили его, несли с собой не только силу, но и память.

— Нет, — подумал он, и эта мысль дарила боль о потерянном и некую скромную надежду. — Не только она... Её сила едва ли способна проявиться, хоть мы и жили здесь... Но она ушла так давно... Значит, Елене помогают...

Он не знал точно, о ком именно он сейчас думал. Ту девушку, тело которой похитила Тьма, он едва увидел. Но Князь помнил, как бледная рука несчастной коснулась камня у его трона — вот, остался даже слабый след, из которого и взяли своё начало лианы.

— Елена оставила свой след в этом мире, — понял Князь. — Не в камне. Не в книгах. В самой земле. И эта девушка... она пробудила его. И теперь оно исцеляет меня. Даже не зная, кто я. Даже не зная, что я заслуживаю смерти.

Лианы, словно почувствовав его сомнения, вспыхнули ярче. Золотая корка на его руках трескалась, осыпаясь, как старая штукатурка, и под ней проступала зелень. Она была живой, настоящей. И он чувствовал, как она вплетается в его плоть, затягивая раны, смывая боль, унося с собой тяжесть веков.

Он почти улыбнулся. Почти.

— Она пришла не для того, чтобы спасти меня, — подумал Фридрих, и в этой мысли не было гнева. Только усталое, давно забытое смирение. — Она пришла, потому что её сердце не знает иного пути. Она точно как и Елена. Как все они...

Тишина в зале стала ещё глубже. Где-то вдалеке, в пустых коридорах его замка, ветер завывал, как одинокий зверь, но здесь, у трона, царило страшное безмолвие. Только тихий звон цветов, распускающихся на его руках, нарушал эту величественную и страшную тишину.

Фридрих сидел неподвижно, позволив лианам делать свою работу, и думал о Елене и о той, которую признал её наследницей и которую уже похоронил, ведь... от Тьмы не удалось уйти даже ему. Что взять с простой девчонки, пусть и с добрым сердцем?

— Она была так прекрасна в тот день, — вдруг вспомнил мужчина, и память обожгла его острее любого клинка. — В день нашей незавершенной свадьбы... Она стояла у алтаря, и её глаза сияли тем светом, который я никогда не мог постичь. Я думал, что смогу завладеть этим светом, что он станет моим, как всё остальное в этом мире. Но я ошибался... Свет нельзя было украсть. Его можно было только заслужить. А я, в своей безграничной гордыне, выбрал другой путь. Она оставила меня... Нет, не потому, что я был слаб. А потому, что я не был достоин её. И даже сейчас, когда я умираю на этом проклятом троне, её наследие приходит ко мне. Не как палач, а как целитель... Как тихая, упрямая надежда, которая никогда не покидала её большое золотое сердце...

Лианы на руках Князя засветились ярче, и он почувствовал, как силы понемногу возвращаются к нему. Потому он медленно, с трудом, поднялся на ноги. Тело ныло, но уже не отказывало, начиная снова подчинять разуму и даже держать осанку. Фридрих оперся рукой на подлокотник трона и сделал первый шаг, за ним и второй... Фридрих всё гадал, почему до сих пор он не увидел никого из своей стражи. Пусть они были напуганы, пусть они прятались... Он помилует их, пусть только они явятся к нему...

Вскоре мужчина вышел в коридор, и его шаги гулко разнеслись в пустоте, как удары погребального колокола. Стены замка, которые он знал как свои пять пальцев, теперь казались чужими. И вдруг Князь увидел их — своих стражей.

Какие-то из них замерли в неестественных позах, другие стояли вдоль стен, застыв в вечной неподвижности. Их доспехи, некогда блестящие, теперь были тусклыми и покрытыми черной пылью. Но самое страшное было в другом — ни у кого из них не было лиц, а только гладкие, пустые овалы там, где когда-то были ясные глаза, носы, губы. Тьма выпила их души, оставив лишь пустые оболочки, как скорлупу от съеденных орехов.

Ужаснувшись, мужчина замер и долго не мог поверить своим глазам. Затем Фридрих остановился перед одним из них. Он поднял руку и коснулся гладкой поверхности, где когда-то было лицо человека, поклявшегося ему в верности (кажется, он даже помнил его имя)... Внезапно пальцы прошли сквозь пустоту, не встретив сопротивления.

— Я не заметил, что заражал их Тьмой веками... — вдруг понял он, и эта мысль ударила его сильнее, чем любой клинок. — Я был так поглощён своей болью, своей гордыней, своей бесконечной игрой в бога, что не заметил, как Тьма пожирает мой дом. Моих людей. Мою империю. Вот почему Тьма обрела такую силу в моём доме... Я её напитал. Собой. Стражей. Прислугой. Всем...

Фридрих осторожно убрал руку от пустого лица и, не смотря на стражников, пошел дальше. Проходя мимо зеркал, потрескавшихся из-за нападения Тьмы, Князь ни разу не взглянул на себя.

— Я знаю, Елена простила бы меня, — прошептал он одними губами, и голос его был хриплым, как шорох осенних листьев. — Она всегда прощала. И эта девочка, что коснулась земли... она, наверное, тоже простила бы. Но я... я не могу простить себя. И никогда не смогу... Но может в этот раз я смогу заслужить твоё доверие, дорогая?..

Он шёл по пустому коридору, и на его руках всё ещё цвели светящиеся лианы. Золотая корка почти полностью осыпалась, и теперь зелень сияла ярко, оставляя на стенах тонкие, едва заметные следы, похожие на слёзы... или солнечных зайчиков — тех самых, которые бегали по стенам, когда здесь было много света, тепла и улыбок... Кажется, Фридрих иногда даже слышит музыку, под которую так любила танцевать Елена...

Глава 1: Там, где лес встречается море

Лес встретил скрывающуюся от невидимой погони пару сырой, прохладной темнотой. Ветви сплелись над головой в такой плотный шатёр, что даже серый сумеречный свет едва пробивался сквозь листву; воздух пах мхом, влажной корой и чем-то неуловимо сладким — будто где-то совсем рядом цвели ночные цветы, которых нельзя было увидеть.

— Давай... охх! остановимся, — тяжело выдохнула Кассандра, прислоняясь спиной к шершавому стволу старого дуба. Её дыхание сбивалось, а на висках выступила испарина. — Я больше не могу бежать...

Клаус остановился в нескольких шагах от неё. Он был бледен, но держался прямо — привычка воина, который не позволяет себе показывать слабость, даже когда тело кричит об отдыхе.

— Мы не можем останавливаться надолго, — сказал он, оглядываясь на тропу, оставшуюся за спиной. — Если рогатый очнётся и пошлёт погоню...

— Он не очнётся, — перебила Кассандра. В её голосе звучала странная уверенность, которая заставила Клауса обернуться. — Я чувствую... Там, в замке, что-то изменилось... — Нимфа оперлась руками на колени и, опустив голову, пыталась отдышаться.

— Ты видела что-то в своих видениях?

— Нет, — она покачала головой, и прядь белёсых волос упала на лицо. — Просто чувствую. Как чувствуешь приближение грозы или запах дыма. Помни, что я — Нимфа, да не простая! Нимфа... уфф... — она выпрямилась и гордо подняла голову, — Нимфа Звездочет! Ты должен верить каждому моему слову, чтобы удача от нас не отвернулась, — Кассандра широко улыбнулась.

Клаус, вздохнув, всё же смог слабо улыбнуться.

— Хорошо. Будешь путеводной звездой нашего путешествия. Итак, что там звезды сейчас говорят?

— Я слышу... — Нимфа прикрыла глаза, — слышу... Звезды говорят, что мы в безопасности и нам нужен отдых! И что на выходе из леса есть рыбацкая деревня — звезды смотрят на неё прямо сейчас.

— Рыбацкая деревня? Вот же повезло! Нам ведь лодка нужна, чтобы добраться до острова.

Кассандра продолжала улыбаться, вновь открыв глаза и смотря на Берсерка.

— Я звезды хорошо читаю, так что и дорогу сможем найти...

"...если не будет облачной завесы..." — закончила она про себя, пряча руки за спиной.

— Нам нужны будут припасы да карту бы всё же для надежности, — Клаус сел около дерева и положил меч рядом с собой.

Кассандра опустила на землю рядом с ним, обхватив колени руками. В лесу было тихо. Слишком тихо. Не пели птицы, не шуршали мелкие зверьки — только ветер, который, казалось, запутался в ветвях и не мог выбраться. Но где-то вдалеке, едва слышно, журчала вода — узкая, быстрая речка, что тянулась вдоль опушки.

— Нам нужен огонь, — сказал Клаус, поднимаясь и оглядываясь по сторонам. — Я соберу хворост. Ты оставайся здесь и отдыхай.

— Я не буду просто сидеть, пока ты работаешь, — ответила Кассандра, вставая и отряхивая платье. — Я могу найти сухие ветки и грибы. Если мы собираемся провести здесь хотя бы несколько часов, нужно поесть.

Клаус хотел возразить, но, увидев её упрямый взгляд, лишь покачал головой.

— Тогда не уходи далеко. Если что-то пойдёт не так — кричи.

— Договорились, — улыбнулась она и скрылась в вечернем сумраке леса.

Кlaus двинулся в противоположную сторону, внимательно вглядываясь в землю. Лес был влажным, и найти сухие ветки оказалось непросто — большинство из них были сырыми, покрытыми мхом и лишайником. Но он знал, что где-то здесь, под старыми елями, всегда лежит сухой валежник. И он не ошибся: вскоре его руки уже сжимали охапку крепких, сухих веток, которые с хрустом ломались на мелкие куски.

Когда он вернулся на поляну, Кассандра уже сидела на корточках у небольшого углубления в земле, складывая в кучку найденные грибы. Их было немного — несколько крупных подберёзовиков и горсть мелких опять.

— Смотри, что я нашла! — воскликнула она, поднимая гриб, украшенный небольшими наростами, похожими на сетку. — Это же... это просто чудо! Такие грибы с этой штукой на шляпке называются «лисички-лжецы» — хоть они и считаются съедобными, но могут подшутить, если их неправильно приготовить. Но я знаю, как их готовить, так что можем смело жарить!

Кlaus усмехнулся, опуская хворост на землю.

— Ты уверена, что они не отравят нас? Мы не хотим оказаться в таком же бедственном положении, как тот рыцарь, который съел что-то не то и превратился в... ну, неважно.

— Даже не сомневайся! — она прищурилась, — Я — Нимфа! Я знаю эти грибы с детства. Садись, я покажу тебе, как надо готовить, чтобы лисички не вздумали подшутить над нами.

Он сел рядом, и она принялась за работу, очищая грибы от земли и листьев, но потом передала их Klausу и подошла к кострищу. Пока Кассандра колдовала над грибами, Klaus занялся костром. Он разложил тонкие ветки в виде шалаша, подложил сухую траву и, достав из кармана кресало, высек искру. Понадобилось несколько попыток, прежде чем крошечный огонёк жадно вцепился в трут, разгораясь, переползая на мелкие веточки. Пламя затрепетало, затанцевало, и вскоре уже весело пожирало принесённый хворост, отбрасывая на лица сидящих тёплые, золотистые блики.

— Хорошо-то как, — прошептала Кассандра, протягивая руки к огню. — Я и забыла, каково это — просто сидеть у костра, без погони, без страха...

Она поставила грибы нанизанные на тонкие пруты над огнём, и те зашипели, начиная подрумяниваться и источать пряный, мясной аромат. Klaus молча наблюдал за ней, и в его взгляде было что-то тёплое — то, что появлялось лишь в редкие минуты покоя.

— Давно я не чувствовал себя так спокойно... Кажется, с моим появлением в этом мире я никогда не отдыхал по-настоящему. И кажется... в прошлой жизни я тоже любил подобные вылазки на природу.

— Ты помнишь? — нерешительно спросила Нимфа. — Ту жизнь, пока тебя не призвали Звезды?

— Плохо, — честно признался Klaus, — может, я помнил больше, когда только появился. И когда встретился с Каосу... Но сейчас даже те отрывки воспоминаний будто испаряются...

Кассандра как бы понимающе кивнула, и они замолчали. Грибы уже подрумянились, и Кассандра сняла их с огня, протягивая ему на листе. Он взял гриб и, попробовав его, слегка удивился — тот был мягким, с лёгким дымным привкусом.

— Вкусно, — кивнул он.

— Знаю, — улыбнулась она и, подцепив ещё один, принялась есть.

Когда трапеза была окончена, усталость, которую они сдерживали весь день, навалилась с новой силой. Кассандра, зевнув, придвинулась ближе к огню, согревая замерзшие руки.

— Можно мне... — начала она неуверенно, — прилечь рядом с тобой? Нам так обоим будет теплее.

Klaus молча кивнул. Девушка прислонилась к его плечу, и он почувствовал, как её дыхание становится ровнее, глубже. Через несколько минут Кассандра уснула, доверчиво прижавшись к рыцарю, как ребёнок, уставший от долгого дня.

Берсерк практически не двигался. Он всё смотрел на огонь, чувствуя, как тепло разливается по телу. Вдруг пришла мысль, что от сырости Кассандра может простыть, и потому он очень аккуратно, чтобы не разбудить девушку, снял свой плащ и накинул ей на плечи. Кассандра чуть слышно вздохнула во сне — и улыбнулась. И он, впервые за долгие дни, позволил себе закрыть глаза, погружаясь в дрему.

Рядом с ним, под шёпот леса и треск костра, все её страхи и сомнения ушли прочь. И это согревало сильнее, чем любой огонь. А он смотрел на угасающие угли и думал о том, что, возможно, именно так — тихо, без битв и криков — и выглядит настоящая жизнь. И что он готов отдать всё, чтобы когда-нибудь сидеть вот так у костра, но с Каосу. И чтобы она улыбалась во сне, зная, что он рядом.

***

Солнце только начинало пробиваться сквозь плотный полог листвы, когда Клаус открыл глаза. Костер уже давно догорел, оставив после себя лишь тлеющие угли и тонкую струйку дыма, тянущуюся к небу. Кассандра всё ещё спала, уютно укутанная в его плащ, и на её лице застыла спокойная, безмятежная улыбка. Будить девушку Клаус пока не хотел, давая той досмотреть явно приятные сны. И так, аккуратно выпрямив спину, Берсерк осмотрелся по сторонам, а затем поднял голову вверх, подмечая, как ветки перестали сплетаться, позволяя свету проникнуть в их крепкий лесной клубок. Где-то вдалеке запели птицы, и даже ветер в кронах, казалось, стал мягче.

— Просыпайся, — чуть позже негромко протянул Клаус, касаясь плеча Нимфы. — Нам пора...

Кассандра пошевелилась, сонно моргнула и, увидев Берсерка, широко улыбнулась, всё ещё небыстро моргая.

— Доброе утро, — прошептала она, приподнимаясь и кутаясь в плащ. — Ты уже встал? Я думала, я проснусь первой...

— Ты слишком сладко спала, чтобы тебя будить, — ответил он, и в его голосе мелькнула тёплая нота.

Нимфа мило засмеялась, нехотя вставая и отряхивая платье от налипших листьев. Вернув доблестному рыцарю плащ, Кассандра огляделась по сторонам.

— Лес изменился, — заметила она. — Он стал... светлее, что ли. Или это просто кажется?

— Мне тоже так показалось, — согласно кивнул мужчина. — Это даже хорошо — значит легче будет найти дорогу в деревню, о которой тебе звезды вчера нашептали.

Герои бодро пошли вперёд, ориентируясь на слабое журчание воды, которое слышали ещё прошлой ночью. Но лес, будто издеваясь, явно начал петлять: тропинки расходились в разные стороны, заводили в тупики, возвращали на те же поляны, где герои явно уже были.

Сначала Клаус пытался сохранять спокойствие. Но когда они в третий раз вышли к старому дубу с раздвоенным стволом, у которого они и устраивали привал, он с досадой выдохнул.

— Это похоже на издевательство! — недовольно выпалил он, доставая меч из-за спины и беря его в обе руки. — Может я просто прорублю нам путь?

Кассандра остановила его рукой, хотя было видно — она и сама не против прорубить дорогу через лес. Но как Нимфа... разве она могла ему вредить.

— Мне это уже надоело! — громко заявила она, топая ногой. — Слушайте меня сюда, лешаки!¹ Я знаю, что это вы путаете тропки, чтобы мы никогда не выбрались из леса и были вами съедены. Но этому не бывать! Вы знаете, с кем вы связались, глупые дикари!? Я — Нимфа, повелевающая звездами! А рядом со мной — Герой Алой Звезды! Один взмах его могучего меча — и от леса даже воспоминаний не останется! Вам должно быть стыдно, что вы играетесь тут с нами, не давая победить Тьму, которую сами так боитесь! Немедленно выведете нас их

---

¹ лесные духи

леса или я заставлю звезды упасть на ваши пустые головы, пока Клаус разрубит ваши много-вековые пни на дрова!

Берсерк лишь удивленно смотрел на то, как Нимфа ругается на лес, грозит кому-то пальцем и топает ножкой. Она выглядела столь же величественно... сколько и забавно. И только он хотел что-то сказать, как вдруг лес зашевелился. Тропинка, которая до этого вела в тупик, вдруг... выпрямилась. Кусты, ещё секунду назад закрывавшие проход, расступились, открывая широкую, ровную дорогу. Даже камни, лежавшие на пути, будто по мановению невидимой руки, откатились в стороны, открывая путь к краю леса.

Клаус моргнул, не веря своим глазам.

— Я слышал, что покричать в лесу хорошо помогает для разрядки. Но и представить не мог, что это так решит нашу проблему!

Кассандра горделиво махнула рукой, убирая прядь волос.

— Я же говорила, что я Нимфа не простая, — она так уверенно улыбнулась Клаусу, что тот невольно повторил её улыбку, убирая меч и идя теперь за ней по нереально выпрямившейся тропинке в деревню.

Когда же они наконец вышли из лесной чащи, Клаус обернулся. За их спинами ветви снова сплелись в плотную стену, пряча тропинку, словно леса никогда и не было. Кассандра, заметив это, лишь усмехнулась:

— Умные. Не хотят, чтобы я вернулась и продолжила их воспитывать.

Так перед героями открылась небольшая рыбацкая деревня. Она казалась выжженной солнцем и временем — деревянные домики иссохли, их стены покрылись глубокими трещинами, словно старые морщины. Прилавки, стоявшие вдоль главной улицы, ломились от свежей рыбы: серебристые тушки лежали на льду, и над ними кружились назойливые чайки.

Пахло здесь сильно и резко — рыбой, водорослями, старой древесиной и чем-то ещё, что можно было бы назвать «духом моря». Под ногами хрустели старые сети, обрывки веревок и мелкие рыбьи кости. Кошки — десятки кошек — сидели на крышах, на заборах, у порогов и смотрели на пришельцев с любопытством и настороженностью.

Люди, попадавшиеся на пути, были суровыми и молчаливыми. Они бросали на путников короткие, оценивающие взгляды и тут же отворачивались, занимаясь своими делами.

— Не самое дружелюбное место, — заметил Клаус, оглядываясь.

— Я думала, все крестьяне такие... — Нимфа тяжело вздохнула. — Когда они приходили в наш родной с Натой лес, она их прогоняла... и часто возвращалась раненой. Поэтому я не очень хочу оставаться здесь надолго. Давай скорее отыщем лодку?

— Да, давай.

Стараясь не обращать внимания на озлобленные взгляды, суровую ругань и душный "аромат", пара вышла к пирсу. Некоторые рыбаки уже вернулись с рыбалки и тащили свой улов, а кто-то только собирался в путь и закидывал в лодки сплетенные сети и удочки.

Клаус остановился у пирса, оглядывая лодки. Их было немного — несколько старых рыбацких баркасов с облупившейся краской и один, почти новый, который выглядел так, будто его спустили на воду всего пару сезонов назад. Рядом с ним, сидя на перевёрнутом ящике, перебирал сети пожилой мужчина. Он был сух и жилист, как старая мачта, пережившая не один шторм. Седая грива, когда-то, должно быть, чёрная, падала на плечи, а на правом глазу красовалась чёрная повязка — потёртая, но плотная, сделанная из хорошей крепкой кожи. Оставшийся глаз — светлый, почти белый, с едва заметным голубоватым отливом — смотрел на них с той особенной суровостью, какая бывает только у людей, долгие годы проводивших вдали от суши.

— Не к добру чужаки в нашей деревне. Чего вам?

Кассандра инстинктивно сделала шаг назад, прячась за плечом Клауса. Тот, чувствуя её напряжение, подошёл ближе к мужчине и заговорил с ним.

— Нам нужна лодка, — сказал он, стараясь звучать спокойно.

Мужчина поднял на него взгляд. Медленно, не торопясь, оглядел его с головы до ног, задержавшись на мече. Затем перевёл взгляд на Кассандру, и его единственный глаз чуть прищурился.

— Денег у тебя нет, воин, — сказал он, и в голосе его не было вопроса — только утверждение. — Я вижу это по твоим рукам — ты держал меч дольше, чем монеты, да и если я правильно помню, деньги рыцари с собой не носят. Их либо обеспечивают лорды земель, у которых они служат, либо носят особые оруженосцы. А твоя спутница... — он чуть склонил голову, — явно не из их числа. Да и более того, мне кажется, что она и вовсе не знает, что такое деньги. Верно, лесная?

Кассандра от неожиданности не нашлась, что ответить. Она только шире раскрыла глаза и, переглянувшись с Клаусом, решилась спросить:

— Откуда вы... — но моряк её грубо прервал, махнув рукой:

— Я прожил в этом мире слишком долго, чтобы не чувствовать таких, как ты, — усмехнулся лодочник, и улыбка его была кривой, но в ней не было злобы. — Вы не первые, кто пытается уйти морем. И не первые, кто не может заплатить.

Клаус нахмурился, но промолчал. Мужчина был прав — у него и правда не было при себе монет, о чём он и не думал, пока не состоялся этого разговор. Все накопления с боев и охоты на монстров хранились в Мэрии, от которой не осталось ни следа... Черт, неудобно как! Но ничего не изменишь — при всём желании его заработанных денег уже никак не получить.

— Но я могу предложить вам сделку, — продолжил старик, поднимаясь на ноги. Он оказался выше Клауса на полголовы, широкий в плечах, и даже сквозь поношенную одежду чувствовалась привычная к физической работе сила. — По ночам в мою лавку приходят гости. Незваные. Эти твари... — мужчина неспешно достал трубку и раскурил в ней табак, — лезут из моря. Видите ли, кто-то наслал проклятие на мою голову — и теперь погибшие в море лезут в мою лавку каждую ночь, громя её.

Кассандра посмотрела за его спину, подмечая, что мужчина забил окна досками — видимо, их часто разбивали при подобных набегах.

— Я не могу каждую ночь их прогонять. Есть, конечно, вариант скинуть этот груз на плечи моих племянников, но эти раздолбаи разорят мою лавку ещё до захода солнца... Если вы сможете сохранить мою лавку — и сможет даже прекратить эти набеги? — я дам вам одну из моих лодок.

Клаус посмотрел на Кассандру. Та явно не хотела в это вмешиваться, но иного пути у них не наблюдалось, ведь красть лодку никто из них не хотел.

— Хорошо, — сказал Клаус, протягивая руку, — ночью мы присмотрим за лавкой и постараемся сохранить её в целостности и сохранности.

— И поможете восстановить, если не удастся справиться, — мужчина выдохнул горький дым. — Но тогда и лодки не ждите, будете пытаться снова следующей ночью... естественно, если вам будет всё ещё нужна лодка.

Моряк пожал протянутую руку. Его ладонь была сухой, мозолистой и шершавой, как старая дубовая кора, а рукопожатие — крепкое, надёжное.

— Меня звать Олдрик Черногривый. Можно просто Рик.

— Клаус, Берсерк Алой Звезды. А это — Кассандра, Звездная Нимфа.

— Берсерк, значит... — Рик хмыкнул и снова затянулся трубкой. — Герои, стало быть. Я слышал о вас. Думал, вы все уже мертвы. И Нимфа, да... — протянул мужчина, грубо выдохнув, и посмотрел в сторону моря. — Там тоже есть свои духи, морские только. Сирены, русалки, селки, морские змеи и морские псы — всякой твари по паре. Вот, например, Касс, — обратился он к девушке, — ты ведь тварь лесная и потому знаешь, с кем безопасно дело иметь,

а кого лучше обходить стороной. А в море... Скажи, кого тебе безопаснее встретить: сирену или русалку?

Нимфа растерянно посмотрела на Клауса, а затем посмотрела на Рика, неуверенно протянув:

— Может... сирену? Кажется, я слышала, что сирены красиво поют... Я тоже петь люблю. А русалки же...

— Мертва, — грубо прервал её моряк, сомкнув перед её лицом кулак, напоминающий сомкнувшуюся пасть. — Сирены поют, чтобы жертва без колебаний шла к ним на обед в роли главного угощения. Им не важно парень ты или девица — их клыки разгрызут любую плоть. А вот с русалкой ещё смогла бы договориться. Ведь русалка — это дева, погибающая в море. Часто бывало, что девушки вон с того обрыва в море бросались с разбитым сердцем в груди, — он указал в сторону, — или их похищали и топили по разным причинам в море... но ты могла бы успокоить одну такую душу, пока она не унесла с собой на дно твоего красавца-рыцаря. Имей это ввиду, ведь среди моих ночных гостей бывали и такие, кхм, гости... А вообще, наведаетесь к Марте, она вам байки до ночи потравит, а вы на ус намотаете — и это поможет вам ночь пережить. Она живет за той опушкой, травы сушит. Ладно, мне пора за работу. Увидимся вечером здесь же. Бывайте.

Проводив мужчину взглядом, Клаус слабо улыбнулся.

— Хороший мужик. Суровый, но без этого никак. Я уверен, что ему можно доверять.

Кассандра на это ничего не ответила. Девушка молча шла за Берсерком мимо невысоких домиков, в которых хранили всякую утварь и на крышах которых грелись под солнцем кошки. Она шла чуть позади, опустив голову, и казалась гораздо меньше, чем обычно. Её плечи были слегка ссутулены, руки сжаты в кулаки, а на лице застыло обиженное выражение. Клаус заметил это не сразу. Но когда они прошли уже приличное расстояние, а Нимфа всё молчала, рыцарь замедлил шаг, поравнялся с ней и заглянул в лицо.

— Эй, — сказал он мягко. — Ты чего?

— Ничего, — буркнула она, не поднимая глаз.

— Кассандра...

— Я сказала — ничего! — она остановилась, резко подняв голову, и в её глазах блеснули слёзы обиды. — Этот... Этот твой Рик!.. Он спросил меня про сирен и русалок, а я... я ответила неправильно! Я — Нимфа! Я должна знать такое! Я должна была... я...

Она сжала кулаки, и Клаус увидел, как её пальцы побелели от напряжения.

— Я ведь лесной дух... Я никогда не видела моря, — она говорила быстро, сбивчиво, словно оправдываясь. — Откуда мне знать, кто там плавает и поёт? Я рождаюсь из земли, я дышу воздухом леса, я говорю со звёздами! А он спросил меня про каких-то рыб, и я...

— И ты не знала, — спокойно закончил за неё Клаус.

Кассандра, залившись краской, отвернулась. И тогда Берсерк мягко усмехнулся, подошёл к ней и, положив руку на плечо, заставил посмотреть на себя.

— Ты злишься, что не знаешь чего-то? — спросил он, и в голосе его слышалась улыбка. — Ну и что? Ты думаешь, я родился с мечом в руке и знал, как сражаться с монстрами? Нет. Я учился. Каждый день. И до сих пор учусь. Или возьмем, например, Каосу... — он замолчал, и в его глазах появилось то самое тёплое выражение, которое появлялось всякий раз, когда он думал о ней, — она точно такая же. Она не знала, как колдовать — в нашем мире и вовсе нет магии, если я правильно помню. Как и я, Каосу вообще ничего не знала об этом мире, пока не попала сюда. Но она бросалась во всё это, как в омут. Она училась, пробовала, ошибалась и снова пробовала... Понимаешь, к чему я?

Кассандра посмотрела на него, и в её взгляде обида начала немного таять, уступая место чему-то более спокойному.

— Я тоже хочу так, — тихо сказала она. — Хочу не бояться ошибаться.

— Тогда не бойся, всё просто, — Клаус убрал руку с её плеча и усмехнулся. — Сегодня ночью ты узнаешь про морских существ больше, чем хотела бы. Можно сказать, бросишь в омут новых знаний! Хах, "омут", поняла? — улыбка Клауса невольно заразила и саму нимфу. Кассандра выдохнула, расправила плечи и, хотя в глазах её всё ещё читалась тень обиды, она кивнула.

— Хорошо. Ты прав. Я не буду злиться на то, чего не знаю. Я просто... узнаю это. Давай же найдем Марту и узнаем про морских тварей столько, сколько вообще возможно! И если Рик снова начнет задавать мне вопросы... я буду готова!

— Вот это та Кассандра, которую я знаю! Дала отпор лесу, дашь отпор и морю, хе-хе!

***

Домик Марты нашёлся быстро. Он стоял на отшибе, почти у самой лесной опушки, и был окружён таким буйством зелени, что казалось, будто сама природа решила обнять его и не отпускать. Травы, кустарники, дикие цветы — всё это вилось по стенам, лезло в окна, оплетало крыльцо. Рядом с домом, на небольшом огороженном участке, виднелись грядки с зеленью, а на верёвках, натянутых между деревьями, сушились связки трав и кореньев.

Но прежде чем они успели ступить на порог, из-за угла дома высочил козочка. Она была маленькой, почти ещё козлёночек, с парой едва проклюнувшихся рожек, но в ней чувствовалось столько задорной смелости, что Кассандра сначала даже не поняла, что происходит. Козочка, заметив гостей, на секунду замерла, будто оценивая опасность. А затем рванула вперёд и с разбегу боднула Клауса прямо в ногу.

— Ой! — воскликнул он, пошатнувшись от неожиданности. — Это что... какая-то боевая коза?

Кассандра прыснула от смеха, прикрывая рот ладонью. Козочка, явно довольная произведённым эффектом, отбежала на пару шагов и снова замерла, готовясь к новой атаке, но тут послышался другой голос:

— Золотко! Вернись! — раздался из дома скрипучий, но звонкий голос. — Брысь, говорю! Ишь, бедокурит!

В дверном проёме показалась женщина. Она была сухой и высокой, в простом, выцветшем платье, повязанном грубым фартуком. Волосы её, давно поседевшие и собранные в тугой пучок на затылке, были аккуратно заколоты деревянной шпилькой в форме листа. Сморщенное лицо было испещрено сетью морщин — не старческих, а скорее таких, какие оставляет ветер и солнце за долгие годы жизни у леса. В руках она держала посох — простой, без украшений, но с вырезанным навершием в форме раскрытого бутона.

— Кто там? — спросила она, шурясь. — А, чужаки... Убирайтесь, здесь вам нечего делать! У меня нет ничего для вас!

Клаус шагнул вперёд, поднимая руки в примирительном жесте.

— Мы не разбойники, правда. Мы пришли от Рика... Он сказал, что вы можете рассказать нам о тех, кто приходит в его лавку по ночам и кого следует опасаться в море. Нам очень нужна Ваша помощь... и мудрость!

Марта нахмурилась, но её взгляд уже перебежал с Клауса на Кассандру, задерживаясь. Женщина подошла ближе и пристально вгляделась в девушку.

— От тебя лесом пахнет... Не как от лесников, а иначе... — сказала она. — Нимфа. Я права?

Кассандра удивлённо вскинула брови.

— Да... Это так заметно?

— Наша деревня расположена на границе между лесом и морем. Мы всегда почитали тварей и духов обоих миров... Жаль только, что нимф почти не осталось. Скоро некому будет присматривать за лесами и его сокровищами, за ручьями и звездами... — Марта так тяжело вздохнула, что и девушки невольно зажали сердце от тоски. — Я расскажу вам всё, что успею

до ночи и даже дам на время еду и кров. Но взамен... Нимфа, молю тебя, — женщина зажала трость подмышкой и сложила ладони в почтительном жесте, опуская голову, — благослови мои травы и Золотко, чтобы наш маленький край всегда имел молоко, хлеб да травы для лечения. Все знают, что Сансара-Фелл медленно умирает и почти издала последний вздох. Нам бы продержаться ещё немного... Когда духи жили рядом, мы не знали бед, пока почитали их. Сейчас я почитаю тебя, как могу. Прошу, Нимфа, не откажи... Спаси этот малый край.

Кассандра растеряно посмотрела на Клауса, а затем тут же выпалила:

— Я помогу! Благословлю... Марта, поверьте мне, Сансара-Фелл не умрет. Герои... помогут. И я помогу.

Старушка ничего не ответила. Нимфа всё поняла и, мягко коснувшись её плеча, прошла вглубь небольшого дворика.

"Ната... Я ещё помню твои уроки... и надеюсь, сделаю всё совершенно, как ты и учила... Я не Зеленая Ведьма, но я была создана из магии Матери Природы, а значит... я смогу выполнить свой долг лесного духа. Может я даже смогу заменить..." — но Кассандра сама оборвала эту мысль. Не до неё сейчас.

Девушка набрала в грудь воздуха, подошла к порогу, сделала паузу и... элегантно взмахнула руками. Она не стала читать заклинаний — достаточно было лишь движения, словно она разбрасывала невидимые семена. Звёздный свет вспыхнул у неё под ногами и, подобно живой воде, потек по земле, огибая грядки, поднимаясь на стены дома. Там, где проходил этот свет, распускались цветы — маленькие, похожие на звёзды, они сияли мягким голубоватым свечением. Затем они осыпались пылью, похожей на звездную пыль. Растения, немного чахлые и поникшие, вдруг ожили: листья расправились, побеги потянулись вверх, а бутоны, ещё минуту назад сжатые, с тихим треском раскрылись, наполняя воздух своим тонким ароматом. Когда танец закончился, Кассандра элегантно подняла руки и расправила их, словно крылья, поворачиваясь к людям. Те явно были приятно удивлены таким чудесным зрелищем.

Марта от всей души поблагодарила девушку за её дар и пригласила в дом, обещая накормить и рассказать всё, что та хочет знать. Клаус было поднялся следом по скрипучему крыльцу, но Марта посохом перекрыла тому вход.

— Этот плащ... большой меч и черные доспехи с алыми узорами... Ты ведь один из Героев, не так ли? — главное слово прозвучало с нескрываемым презрением. — Знай, что никому ты здесь не нравишься, даже моей козе. Вы, Герои, давно перестали быть надеждой, из-за вас одни проблемы... Видимо, Рик уже настолько устал от морских тварей, что даже взял тебя на работу... Здесь мы почитаем только духов. И раз тебя сопровождает Нимфа, значит ты заслужил её доверие, и лишь по этой причине я впусти тебя. Но не думай, что все тебе тут в ножки будут падать. Лучше помалкивай о том, что тебя послала Звезда... Целее будешь.

— Спасибо за совет, — ответил как можно приветливее Клаус и, когда женщина убрала посох, прошел вперед.

Кассандра уже сидела на скамейке рядом с небольшой печкой и играла с козочкой.